

III

[ИЗ РАССКАЗОВ О СТАРИНЕ]

В конце прошлого века священник одного из сельских приходов Пензенской епархии, к составу которой принадлежала тогда и нынешняя Саратовская, был переведен из прежнего своего прихода в другой, тоже сельский, находившийся за несколько сот верст от прежнего. Фамилия его осталась неизвестна мне — по имени и отчеству он был Иван Кириллович. Жену его звали Мавра Перфильевна. Оба они были, надобно полагать, люди еще очень молодые, и детей у них была только одна дочка-малютка Полянька. Весь скарб, с которым они отправлялись на новое место, можно было уложить на одну телегу, на которой еще и оставался простор для жены священника с ее малюткой. Дело было летом. Чтобы устроить прикрытие от солнца для жены и дочки, Иван Кирилыч набрал ивовых прутьев и сплел из них прекраснейшую кибитку. Была у него и лошадь; запрягли ее и отправились в путь. Жена с дочкой сидели под кибиткою, муж, держа концы вожжей в руках, шел рядом. Благодаря этому лошади было не очень тяжело. Но все-таки жаль было лошади. Иван Кирилыч придумывал, каким бы образом облегчить ее труд. Возможность нашлась скоро: ветер был попутный, дорога шла мимо лесов; Иван Кирилыч вырубил две длинные палки, укрепил их впереди телеги в стоячем положении, привязал к ним полог и таким образом устроил парус. Ветер надувал парус, и лошади стало очень легко везти телегу.

Два дня или три, а может быть и четыре Иван Кирилыч и Марья* Перфильевна с дочкой ехали благополучно и без всяких приключений. Но вот однажды утром Марья** Перфильевна услышала вдали ружейный выстрел. Местность была совершенно пустынная, дорога шла лесом и очень большими прогалинами, через которые виднелись по сторонам луга и озера. Во все утро не попалось путешественникам ни одного проезжего или прохожего. Что такое этот выстрел? Не разбойники ли это? Мавра Перфильевна не могла отогнать от себя страшной мысли, но тревожить мужа своей боязнью не хотелось ей; выстрел был сделан где-то очень вдалеке, так что Иван Кирилыч, повидимому, и не расслышал его; быть может, разбойники проедут где-нибудь стороною, так что и не заметят Мавру Перфильевну с мужем и дочерью. Через несколько времени послышался другой выстрел, уже ближе. Мавра Перфильевна не могла теперь сдерживать более свою тревогу.

— Иван Кирилыч, ты не слышал?

— Что?

— Я говорю, ты не слышал?

— Слышал.

* Так в рукописи; следует Мавра.

** Так в рукописи; Мавра.

— Что ж нам теперь делать?

— Нечего нам делать: едем, то и едем, только.

— Как же только? Ведь это разбойники!

— Полно, Мавруша, какие разбойники! Это, должно быть, какие-нибудь городские купцы разъезжают по деревням с товаром, а вот едут мимо озер, увидели уток, ну и стреляют.

— Нет, нет, Иван Кирилыч, это разбойники, уж я знаю, что разбойники, гони лошадь-то!

— Эх, Мавруша! Если это разбойники, то у них лошади по-лучше нашей, да и клади меньше — не уедем от них. Только ты напрасно беспокоишься, вовсе это не разбойники, я говорю тебе — это проезжие купцы стреляют уток.

Настаивать или нет, чтобы муж сел на облучок и погнал лошадь? Муж послушался бы: он был стоворчив и любил угождать жене, но действительно была правда в его соображении о том, что гнать лошадь пользы не будет: не ускачешь от них; если заметили, то догонят. То не лучше ли в самом деле ехать шагом, как ехали? Пустить лошадь вскачь — будет много стуку от телеги, тогда разбойники наверное услышат, а теперь они, может быть, еще не заметили и проедут мимо. Это соображение заставило Мавру Перфильевну сидеть молча и заботиться лишь о том, чтобы не дать какого-нибудь повода раскричаться Полиньке, чтобы не прискакали разбойники на голос малютки.

Полинька дремала или вовсе почивала. Это было хорошо.

Довольно долго не было ничего слышно с той стороны, где разбойники. Быть может, свернули куда-нибудь дальше.

Но послышался опять выстрел, и уже гораздо ближе.

— Иван Кирилыч, гони лошадь! Теперь уже все равно; видно, что уж заметили нас, гони лошадь!

— Видишь ли что, Мавруша, ускатать от них не ускачем, а если это разбойники, то опаснее будет, когда мы поскачем от них: будем ехать шагом, то догонят нас они, увидят, что мы не гнали лошадь от них, значит не имеем от них опасения, думаем — они добрые люди, то, может быть, и у разбойников будет жалость к нам обидеть нас, когда мы считаем их за добрых людей.

Муж рассуждал справедливо. Мавра Перфильевна замолчала. Муж раза два посмотрел на нее.

— Мавруша! Да что ты в самом деле перепугалась? Лица на тебе нет! Это ты совсем напрасно. Поверь ты мне — вовсе это не разбойники, сама увидишь, как поровняются с нами; должно быть, купцы стреляют уток. Или, может быть, не купцы, а барин какой-нибудь или приказный. А скорее всего, что купцы — чаще они попадают по таким местам.

Какие странные люди эти мужчины! Иное он сообразит как следует. Вот хоть бы о том, [что скакать] еще хуже, чем ехать шагом. Но упрямые они. Заберется ему что-нибудь в голову, и не соспоришь с ним. Не разбойники это, купцы! Вот поди и переспорь его!

Стал слышен шум колес, топот лошади в стороне за лесом. Может быть, бог и пронесет мимо. Топот был быстрый, по дребезжанью телеги тоже было заметно, что едут быстро. Все ближе и ближе; но все-таки не видать еще за лесом. Должно быть, на эту дорогу выходит какая-нибудь дорожка с другой стороны. Вот хорошо было бы, если бы они выехали на эту дорожку далеко впереди и скакали бы, не оглядываясь. Что ж? Погони за ними не слышно, так чего же им оглядываться?

— Иван Кирилыч! Ты попридержи лошадь-то! Остановимся, постоим, пока они проедут.

— Нет, Мавруша, останавливаться поздно: та дорога, по которой они выедут на нашу, выходит уж совсем вблизи от нас, — все равно не утаимся. Да и чего нам таиться от них? Увидишь, купцы.

Мавра Перфильевна высунулась из кибитки взглянуть на дорогу впереди. Действительно, дорожка с той стороны, откуда приближался шум, выходила на эту дорогу вовсе подле, шагах в тридцати, не больше. Мавра Перфильевна стала смотреть направо, налево, нельзя ли свернуть в сторону за деревья; нет, место было низменное, поросло березой и осиною так густо, что нельзя провезти телегу между деревьями. Будь воля божия!

Проехали мимо той дорожки, Мавра Перфильевна оглянула[сь], нет, дорожка была извилистая, не видно их.

Проехали еще шагов тридцать. Слышно стало, что те выехали на эту дорогу.

— Здравствуйте, батюшка! — сказал один голос, такой звонкий, здоровый, настоящий разбойничий.

— Здравствуйте, батюшка! — сказал другой голос, такой же.

— Доброго здоровья и вам желаю, почтенные господа! — отвечал Иван Кирилыч.

— Что это вы, батюшка? Должно быть, с места на место перебираетесь? В телеге-то поклажа. Да и на телеге-то прилажена кибиточка. Семейство, значит, ваше с вами?

— Точно так, господа. Из одного прихода в другой перемещаемся, а в кибиточке точно сидят у меня жена с маленькой дочкой.

— Откуда же вы переходите, батюшка, и куда?

— А вот видите ли, почтенные господа, прежний мой приход был... — и принялся Иван Кирилыч рассказывать о прежнем приходе, о том, как просился у архиерея в другой приход, потому что тот приход слишком бедный, и т. д., и т. д. Те слушали. Досказал Иван Кирилыч, спрашивает:

— Теперь позвольте спросить у вас, почтенные господа, кто такие вы и куда едете?

— А мы, батюшка, купеческие прикащики, на доверии у хозяйина. Вот он дает нам говар, а мы с этим товаром разъезжаем по селам. Вот едем так-то, видим озера, а на озерах утки сидят. Мы, знаете, вынули ружьецо, да и постреляли немножко.

— Так, так, господа. Отчего же и этим не развлечься от скуки.

И продолжается у них такой разговор. Совсем как есть приятели. И все выложил им Иван Кирилыч, как есть все: до того дошел, что и рясы свои пересчитал им, и женины наряды, и сколько денег, даже и то сказал. А денег у них было много: известное дело, был в том приходе домик, была скотинка; продали, а новых расходов еще никаких не было, все деньги еще целы; «Господи, хоть бы он о деньгах-то промолчал перед ними, нет, ведь и это выложил им!»

Ехали лесом, теперь выехали на прогалину.

— Но вот, батюшка, теперь есть место рядом ехать, этак-то будет ловчее разговаривать.

Хлопнули по лошади, она пошла поскорее, сворачивая в ту сторону, с ...

IV

БАБУШКИНЫ РАССКАЗЫ

I. Переселение прадедушки и прабабушки в новый приход.

Вот, расскажу я вам, Любинька, Николенька, какое было происшествие с батюшкою, матушкою, когда они ехали в новый приход.

По какому это было случаю, что архирей* перевел батюшку вскоре после посвящения — на втором году, должно быть, судя по тому, что я была тогда грудной ребенок, или не дальше, как на третьем — в новый приход, не умею сказать: может быть, прежний приход был уж очень беден, то батюшка и просил архирея; а не мудрено и то, что мужики просили архирея перевести к ним батюшку, зная его за человека хорошего; но только, как бы то ни было, перевел архирей батюшку в новый приход. Расстояние было, должно быть, не маленькое; может быть, и двести или триста верст, а может быть и больше, потому что епархия была тогда либо пензенская, либо тамбовская, до самого Царицына все одна: не знаю какая, пензенская ль она была, или тамбовская, — только очень большая: народу тогда в здешних местах было еще мало; все леса да леса были.

Ну, распродали батюшка, матушка все лишнее, чего на одну телегу не положить, и уложили на одну телегу, что у них оставлено было взять с собою. Много ли, немного ли, а все же поклажа. А лошадь-то одна. А у матушки грудной ребенок — это я; идти ей нельзя же было бы много, хоть бы и не заботлив был о ней муж.

* Так в рукописи и далее.